

21 век. Библиотека школьника

Ф. Купер

**Последний
из могикиан**

21 век. Библиотека школьника

Джеймс Фенимор Купер

Последний из могикан
(адаптированный пересказ)

«Автор»

2016

УДК 821
ББК 84(4)

Купер Д.

Последний из могикан (адаптированный пересказ) / Д. Купер —
«Автор», 2016 — (21 век. Библиотека школьника)

ISBN 5-17-026087-3

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам. В книгу вошел самый известный роман классика американской литературы Фенимора Купера «Последний из могикан».

УДК 821
ББК 84(4)

ISBN 5-17-026087-3

© Купер Д., 2016
© Автор, 2016

Содержание

1. Вместо предисловия	6
2. В путь	8
3. Учитель пения	10
4. История вождя могикан	13
5. Хитрая Лисица	15
6. Новый проводник	17
7. Убежище над водопадом	19
8. Тревожная ночь	21
9. Перед лицом опасности	23
10. Магуа возвращается	25
11. В плену	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Фенимор Купер

Последний из могикан

© Родин И. О., текст, 2016

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

1. Вместо предисловия

В середине восемнадцатого века в Америке шла затяжная война между французами и англичанами за новую огромную колонию – американский континент. Многочисленные индейские племена оттеснялись белыми в глубь страны. Те, кому гордость не позволила покинуть землю предков, поневоле оказались во влечены в конфликт, по сути своей чуждый им. Индейцы к этому времени уже не осмеливались открыто вступать в борьбу против хорошо организованных и отлично вооруженных белых. Краснокожим приходилось мириться с присутствием чужаков на своей земле и вступать в союз со своими «канадскими отцами», которые снабжали верных им индейцев оружием и порохом.

Племя делаваров, потомков Унамис-Черепахи, которое еще называло себя ленапами, расколосось на две части. Одна часть присоединилась к французскому генералу Монкальму. Однако с обычной сдержанностью, свойственной индейцам, они отказались помогать чужеземцам в тот самый момент, когда те особенно нуждались в этом. Делавары сообщили посыльным Монкальма, что томагавки их притупились, и необходимо время, чтобы их заново отточить. Канадский командующий, тонкий политик, решил, что полезнее иметь пассивных друзей, чем открытых врагов, которых он вполне мог получить, принуждая делаваров воевать с англичанами.

Другая часть племени делаваров ушла в глубь страны. Вдали от родных мест, от привычных мест охоты род Унамис стал быстро угасать. Но до многих индейских племен время от времени доходили слухи о том, что и спустя несколько десятилетий где-то в бескрайних лесах все еще живут потомки великих вождей ленапов. Слава о воинских подвигах этих людей – могикан – вызывала уважение не только среди их друзей, но и среди врагов. В племени гуронов, исконно считавшихся противниками ленапов, ходили легенды о доблести и мудрости последнего вождя могикан – Чингачгука, что в переводе означало «Великий Змей». Ни один гурон не выиграл в единоборстве с этим загадочным человеком, предпочитавшим уединенную жизнь в лесах власти над своим племенем. Поговаривали, что у Чингачгука растет сын, не уступающий уважаемому вождю (по-индейски – сагамору) в смелости и рассудительности. Чингачгук назвал сына Ункасом – в честь своего отца, который, собственно, и увел часть племени ленапов с исконных земель, не желая подчиняться законам белых завоевателей. Те же, кому довелось встретиться с Ункасом на поле битвы или на охоте, дали юноше прозвище Быстроногий Олень – за врожденное благородство и за то, что никто не мог сравниться с ним в скорости бега. Никогда враги не видели спины Ункаса в битве, но тот, за кем Быстроногий Олень бросался в погоню, не мог уйти безнаказанным.

Чингачгук и Ункас снискали уважение не только среди краснокожих. Разведчик английской армии Натаниэль Бампо чувствовал себя чужаком в рядах своих соотечественников. Кристально честный, благородный и скромный человек, двадцатилетним юношей он стал охотником в североамериканских лесах. Натаниэлю не было равных в меткости. Пули его били без промаха, хотя оружие того времени было далеко от совершенства. Разведчик и следопыт, он с глубоким уважением относился к индейцам, был желанным гостем в племени делаваров, которые даже дали ему прозвище Соколиный Глаз. Особенно высоко ценил Соколиный Глаз Чингачгука, который стал разведчику верным другом и спутником в его многолетних скитаниях по лесам Америки. Ункас рос на глазах Натаниэля и тоже был безгранично ему предан. Соколиный Глаз учил юношу стрелять, передавал ему секреты своего охотничьего мастерства, и сам многое перенимал у индейцев. Гуроны боялись встречи с разведчиком и называли его Длинным Карабином.

Троих друзей связывали тесные узы. Это была особая мужская дружба – которая не требует наград и за которую каждый, не задумываясь, отдал бы жизнь. Пока Соколиный Глаз,

Чингачгук и Ункас были вместе, они верили, что им не грозит беда. Однако судьба распорядилась по-иному.

2. В путь

Там, где сливаются хрустально чистые воды озера Хорикэн с водной гладью Шамплейна, тянущегося с канадской территории, на возвышенностях строились небольшие крепости. В это беспокойное время то французская, то английская армии поочередно овладевали ими.

В английскую крепость Эдвард пришли известия о появлении близ Шамплейна французов под предводительством опытного военачальника, генерала Монкальма. Весть принес индеец, посланный комендантом форта Уильям-Генри, полковником Мунро. Досужие болтуны добавили, что генерал движется с отрядом, «в котором солдат что листьев в лесу». Мунро просил немедленно выслать ему подкрепление. В форте под его командованием стоял один регулярный полк и небольшой отряд колонистов. Это был слишком малочисленный гарнизон для борьбы с подступавшими силами Монкальма.

Должность коменданта крепости Эдвард, исполнял генерал Вебб. Под его командованием находились пять тысяч человек. Вебб мог бы выставить достойное сопротивление Монкальму. Однако напуганный своими прежними неудачами, Вебб не спешил встретиться с неприятелем, дать сражение и остановить французов. Тем не менее вскоре прошел слух, что утром полуторатысячный отряд отправится на помощь форту Уильям-Генри.

На рассвете сон солдат нарушил оглушительный грохот барабанов. Несложные сборы скоро закончились, и солдаты построились в боевые отряды. Королевские наемники красовались на правом фланге; добровольцы из числа поселенцев заняли места слева. Вперед выступили разведчики, колонна тронулась в путь. Лесная чаща расступилась, и скоро отряд исчез.

Однако не только те люди, что составляли отряд, собирались в путь. Перед домом генерала Вебба стояло несколько оседланных лошадей. Две из них предназначались для женщин высокого звания, а в седле третьей красовались офицерские пистолеты. На почтительном расстоянии стояли праздные зеваки, любовавшиеся лошадьми.

В их числе был человек, резко выделявшийся из толпы. Он был высок, но его фигура казалась донельзя нескладной. Голова у него была большая, плечи узкие. Худые длинные ноги контрастировали с массивными коленями. Странный костюм человека довершал картину. Камзол был слишком коротким, желтые узкие брюки доходили до колен, где были перехвачены большими истрепанными бантами. Серые чулки и покрытые грязью башмаки довершали костюм незнакомца. На одном его башмаке красовалась шпора из накладного серебра, а голову венчала высокая треугольная шляпа, вроде тех, какие в начале восемнадцатого века носили священники. Вел человек себя довольно смело и непринужденно, вслух расхваливая достоинства стоявших у крыльца коней. Внезапно он оборвал свои рассуждения и остановил взгляд на неподвижной фигуре индейца-скорохода, который принес в лагерь невеселые вести.

Хотя индеец стоял точно каменный и, казалось, не обращал внимания на происходящее вокруг, черты его лица выражали угрюмую свирепость. Индеец был вооружен томагавком и ножом, на лице его красовалась боевая раскраска, а в глазах горела дикая злоба. Поймав на себе удивленный взгляд незнакомца, индеец тотчас отвернулся и безразлично уставился куда-то в пространство.

Отступив к своей собственной низкорослой, худой лошади, которая пощипывала неподалеку траву, высокий незнакомец оперся локтем на шерстяное одеяло, заменяющее ему седло, и принялся наблюдать за отъезжающими. Сбоку к его лошади подошел жеребенок и принялся сосать молоко.

Скоро юноша в офицерском мундире подвел к лошадям двух девушек, которые, судя по их костюмам, собирались в путь. Обе были очень молоды. У первой было ослепительно белое лицо, золотистые волосы и блестящие синие глаза. Молодой человек помог ей сесть в седло, и она наградила его очаровательной улыбкой. Офицер с таким же вниманием отнесся и ко второй

всаднице. Она казалась немного старше первой и была чуть полнее. Волосы этой девушки были цвета воронова крыла, а ее черты отличались тонкостью, благородством и поразительной красотой.

Затем сам молодой человек легко вскочил в седло. Все трое поклонились генералу Веббу, вышедшему на крыльцо, повернули лошадей и двинулись к выезду из лагеря. Несколько нижних чинов поехали следом. Ехали они в полном молчании, лишь однажды первая девушка от неожиданности слегка вскрикнула, когда мимо нее проскользнул индеец-скороход. Старшая из сестер (а девушки были именно сестрами) не проронила ни звука.

3. Учитель пения

Оправившись от испуга, светловолосая девушка засмеялась и сказала ехавшему рядом офицеру:

– Скажите, Дункан, такие привидения час то встречаются в здешних лесах?

– Этот индеец не последний человек в своем племени, Алиса, – отозвался молодой офицер. – Он вызвался проводить нас до озера по тропинке, которая сильно сокращает путь. Поэтому мы будем на месте быстрее, чем отряд.

– Он мне не нравится. Вы хорошо знаете его, Дункан?

– Я знаю этого индейца, иначе я не выбрал бы его проводником. Его зовут Магуа. Говорят, он уроженец Канады. Мне рассказывали, что он попал сюда по какой-то странной случайности, имевшей отношение к вашему отцу. Кажется, генерал жестоко поступил с этим индейцем... Впрочем, это неважно. Достаточно того, что теперь он наш друг.

– Если он был врагом отца, тем хуже для нас, – заметила девушка, не на шутку встревожившись. – Майор Хейворд, может следует поговорить с ним и разузнать о нем побольше?

– Это ни к чему не приведет, – проговорил Хейворд. – Мне кажется, Магуа понимает по-английски, но делает вид, что не знает нашего языка... Смотрите, наш проводник остановился. Наверное, здесь начинается тропинка, на которую нам придется свернуть.

Всадники подъехали к индейцу и разглядели выходящую в зарослях тропу, настолько узкую, что по ней можно было двигаться только гуськом.

– Как ты думаешь, Кора, может, лучше было ехать с отрядом? – спросила сестру золотоволосая Алиса.

– Алиса, вы плохо знаете обычаи дикарей, – возразил Хейворд. – Чтобы добыть большее количество скальпов, они, скорее, начнут преследовать большой, хорошо вооруженный отряд, а не одиноких путников. К тому же наш путь пока для всех тайна, так как мы выехали всего с час назад.

– Неужели ты думаешь, Алиса, что не стоит доверять проводнику только потому, что его повадки не похожи на наши, а цвет лица темнее? – холодно спросила Кора.

Алиса потупилась. Казалось, она перестала колебаться и даже первая двинулась вслед за скороходом. Слуги, повинувшись полученному приказанию, отправились догонять отряд. Хейворд объяснил девушкам, что это было сделано по совету проводника. Осторожный индеец хотел уменьшить количество следов, оставленных на дороге.

Внезапно сзади послышался стук копыт. Офицер остановил коня. Кора и Алиса тоже натянули поводья.

Через минуту они увидели жеребенка, бегущего между соснами. Следом появилась нескладная долговязая фигура верхом на лошади. Незнакомец приближался со всей скоростью, на которую была способна его тощая кляча. Он то и дело прищипоривал лошадь одной ногой, но ее хромая рысь не делалась от этого быстрее. При каждом ее шаге незнакомец то приподнимался в стременах, то, наоборот, сгибался, что усиливало впечатление какой-то неправильности, непропорциональности всей фигуры.

Хейворд при виде наездника слегка улыбнулся. Алиса не сдержала смеха. Даже в темных задумчивых глазах Кору блеснула усмешка.

– Вы к нам? – спросил Дункан, когда странный всадник подъехал ближе. – Надеюсь, вы не привезли нам дурных известий?

– Говорят, вы едете в форт Уильям-Генри, – ответил незнакомец, обмахиваясь своей треугольной шляпой. – Я направляюсь туда же, а потому решил, что нам лучше совершить этот переезд вместе.

– Похоже, вы присвоили себе право решающего голоса, – холодно заметил Хейворд.

– Конечно. Ведь главное – это понять свои собственные желания, затем остается лишь выполнить намерение.

– Если вы едете к озеру, то ошиблись дорогой, – заявил Дункан. – Вам следовало отправиться вместе с отрядом.

– Человек моей профессии вряд ли может запросто держаться с людьми, которых он должен поучать. Именно по этой причине я не поехал за отрядом. Еще я думаю, что такой джентльмен, как вы, лучше других сумеет руководить путниками. Кроме того, с вами мне будет веселее, мы сможем беседовать о высоких материях.

– Какое необдуманное решение! – ответил Хейворд, не зная, сердиться ему или смеяться. – Но вы говорили о поучениях и о профессии. Кто вы?

Незнакомец с удивлением посмотрел на Хейворда, а потом смиренно ответил:

– По милости божьей, я посвящаю себя светлому искусству псалмопения и вознесению хвалы господу. Этому искусству я обучаю солдат английской армии.

– Не иначе это ученик самого Аполлона! – смеясь, воскликнула Алиса. – Я принимаю его под свое покровительство!.. Хейворд, перестаньте хмуриться. Позвольте этому чудаку остаться с нами. Кроме того, – прибавила она, искоса взглянув на ехавшего следом мрачного индейца, – в случае нужды у нас будет лишний союзник.

– Неужели, Алиса, вы действительно думаете, что нам грозит какая-нибудь опасность?

– Нет, просто певец псалмов в этой глуши... Он забавляет меня, давайте не будем прогонять его.

Алиса знаком подозвала к себе незнакомца.

– Я рада, что встретила вас. Родственники утверждают, что я неплохо пою дуэтом, – шутливо сказала она. – Мы вполне могли бы скрасить путешествие пением. Кроме того, было бы приятно услышать ваше мнение о моем голосе.

– Действительно, ничто на свете так не успокаивает душу, как пение псалмов, – ответил певец. – Однако для полной гармонии нужны четыре голоса. Если у вас сопрано, а я тенор, то нам не хватает контральто и баса. Впрочем, судя по тонам, звучавшим в голосе офицера, он вполне мог бы петь басовую партию...

– Внешность обманчива, – возразила девушка. – Поверьте, его обыкновенный голос гораздо ближе к тенору, чем к тому басу, который вы слышали. Кроме того, Хейворд отдает предпочтение светским песням. Солдатская жизнь, знаете ли, мало располагает к степенным занятиям. А вы занимаетесь только духовным пением?

– Только. Псалмы превосходят все другие поэтические произведения. А мелодии, на которые они положены, стоят выше всех светских песен. Где бы я ни путешествовал, я никогда не расстаюсь с любимой книгой «Псалмы, гимны и священные песни Ветхого и Нового завета».

С этими словами чудак вынул из кармана книжку и, нацепив на нос очки, открыл томик с таким почтением, которого требует обращение только со священными предметами. Вложив в рот какой-то странный инструмент, он издал с его помощью пронзительный, высокий звук. Вслед за тем взял голосом ноту октавой ниже и – запел.

О, как отрадно это —
Жить в братстве и труде,
Как будто благовония
Текут по бороде!

Певец все время отбивал такт правой рукой. Его рука не переставала двигаться, пока не замер последний звук.

Магуа повернулся к Дункану и пробормотал несколько слов на ломаном английском языке, а Хейворд, в свою очередь, обратился к незнакомцу:

– Сейчас пока не предвидится опасности, но все же нам следует ехать без шума. Алиса, мне придется лишиться вас удовольствия и просить этого джентльмена отложить пение до лучших времен.

– Как жаль! – с лукавой усмешкой ответила девушка. – Право, мне еще никогда не случилось слышать, чтобы так превосходно пели такие бессмысленные слова.

– Увы, но вашей безопасностью и безопасностью Кору я дорожу несравненно больше, нежели всей музыкой самого Моцарта!

Офицер замолчал и покосился в сторону чащи. На минуту ему показалось, что он увидел фигуру человека, но свет и тень ложились под пологом леса так причудливо, что очень скоро майор успокоился и вернулся к прерванному разговору.

Едва путешественники проехали несколько шагов, как ветви кустов у них за спиной осторожно раздвинулись, и оттуда выглянуло свирепое лицо индейца в грозной боевой раскраске. Злобное торжество осветило темные черты жителя лесов, провожавшего взглядом маленький беззаботный отряд. Легкие всадницы то исчезали, то появлялись среди ветвей; за ними двигался отважный майор на своей превосходной лошади, а позади всех – нескладный учитель пения. Наконец и его фигура скрылась среди темных стволов глухого леса.

4. История вождя могикан

В нескольких километрах к западу от того места, где проходил путь наших путешественников, на берегу небольшой, но быстрой реки сидели два человека. Было похоже, что они ждут кого-то. Ветви деревьев свешивались над водой, бросая на нее темную тень. Солнце уже не жгло с прежней силой, дневной зной спал. Тишина, царившая вокруг, лишь временами прерывалась постукиванием дятла или криком сойки.

Один из сидящих на берегу был краснокожим. Его почти обнаженное тело было расписано черной и белой краской, что придавало человеку сходство со скелетом. На бритой голове индейца виднелась только одна прядь волос, украшением служило орлиное перо, спускавшееся на левое плечо. Из-за пояса торчали томагавк и нож английского производства для снятия скальпов. На мускулистом колене небрежно лежало короткое солдатское ружье, какими англичане вооружали своих краснокожих союзников.

Его собеседник был одет в очень простое и грубое платье, однако по цвету лица в нем можно было узнать потомка европейских переселенцев. Он был худощав и мускулист, все говорило о том, что в жизни этому человеку сопутствовали риск и тяжелый труд. Одет он был в охотничью рубашку зеленого цвета; голову прикрывала летняя кожаная шляпа. За поясом у него торчал нож, кожаные штаны были зашнурованы по бокам, а выше колен перевязаны оленьими жилами. Кожаная сумка и рог с порохом довершали его снаряжение. К стволу соседнего дерева было прислонено длинное ружье. Во время разговора бледнолицый то и дело внимательно оглядывался по сторонам.

Беседа велась на индейском наречии, широко распространенном в племени делаваров.

– Предания ленапов, Чингачгук, говорят, что твои отцы пришли из страны заходящего солнца, переправились через большую реку, сразились с местными жителями и завладели их землями. Мои предки пришли от утренней зари, переплыли через Соленое Озеро и поступили точно так же. Не будем спорить об этом.

– Мои предки сражались с краснокожими, – сурово отозвался индеец. – Скажи, Соколиный Глаз, неужели ты не видишь разницы между стрелой и свинцовой пулей, при помощи которой белые посылают смерть?

– Я неученый человек и не скрываю этого, – сказал белый, покачав головой. – Но, судя по тому, что я видел во время охоты на оленей и белок, ружье в руках моих дедов было менее опасно, чем лук и стрела, которую послал в цель зоркий глаз индейца.

– Все это ты слышал от поколения своих отцов, – холодно ответил краснокожий. – Но о чем рассказывают ваши старики? Разве бледнолицые, когда появились здесь, были встречены краснокожими в боевой раскраске и с томагавками в руках?

– Хотя я и чистокровный белый, – ответил охотник, – я не одобряю многих поступков своих соотечественников. Впрочем, я не отвечаю за других. Скажи, Чингачгук, что говорят предания краснокожих о первой встрече твоих дедов с моими?

Индеец долго молчал; наконец торжественно начал рассказ:

– Мы пришли оттуда, где солнце вечером прячется за необъятные равнины. Дойдя до великой реки, мы вступили в борьбу с племенем аллигеров и бились, пока земля не покраснела от их крови. От берегов великой реки до Соленого Озера мы не встретили никого, только одни макуасы издали следили за нами. Мы сказали, что весь этот край наш, и мужественно завоевали его. Мы прогнали макуасов в леса, полные медведей, и они добывали соль из пересохших источников. Эти псы не выловили ни одной рыбы из Великого Озера, и мы бросали им только кости... Соленое Озеро давало нам рыбу, леса – оленей, воздух – птиц. У нас были жены, которые приносили нам детей. Мы поклонялись Великому Духу, и макуасы боялись наших победных песен. Первые бледнолицые приплыли в большой пироге... Это были голландцы.

Они дали моим праотцам огненную воду, и те стали пить ее; пили с жадностью, пили до тех пор, пока им не почудилось, будто земля слилась с небом. И они решили, что увидели наконец Великого Духа. Скоро моим отцам пришлось расстаться с родиной. Шаг за шагом их оттесняли от любимых берегов. И вот теперь я, вождь великого племени, вижу лучи солнца только сквозь листв у деревьев и не могу подойти к могилам моих предков. Весь мой род погиб. Могикане, один за другим, отошли в страну духов. Когда же и Ункас уйдет вслед за мною, истощится кровь племени: ведь мой сын – последний из могикан!

– Кто упомянул об Ункасе? – послышался голос.

Из зарослей показался молодой индеец. Бесшумно проскользнув между двумя собеседниками, он сел рядом. Чингачгук перевел взгляд на лицо сына и спросил:

– Не осмелились ли гуроны оставить следы своих мокасин в этих лесах?

– Я шел по отпечаткам их ног, – ответил молодой индеец. – Их число равняется количеству пальцев на руках. Но они трусы и прячутся в засадах.

– Ничего, мы выгоним их из кустов, как оленей... Соколиный Глаз, сегодня надо поесть, а завтра мы сразимся с макуасами.

– Согласен. Но для того чтобы поесть, нужно добыть зверя... Да вот он! Внизу в кустах бродит крупный олень. Ункас, – обратился разведчик шепотом к молодому индейцу, – ставлю три мешка пороха против фунта табака, что попаду ему между глаз, причем ближе к правому, чем к левому.

– Не может быть! – воскликнул молодой индеец. – Ведь над кустами видны только кончики его рогов!

– Мальчишка, – усмехнулся Соколиный Глаз, обращаясь к Чингачгуку. – Он думает, что настоящий охотник не может сказать, где тело оленя, если видны кончики рогов.

Разведчик прицелился и уже собирался нажать на курок, когда Чингачгук внезапно ударил рукой по стволу ружья.

– Ты что, хочешь сразиться с гуронами, Соколиный Глаз?

– И то верно, – вздохнул охотник, опуская ружье. – Ункас, убей оленя стрелой, не то, пожалуй, мы действительно завалим животное для воров-ирокезов.

Чингачгук кивнул головой. Ункас опустился на землю и стал осторожно подползать к оленю. Очутьившись в нескольких ярдах от кустов, молодой могиканин натянул тетиву лука. Еще секунда – и тетива зазвенела. Через мгновение раненое животное выскочило из зарослей. Ункас ловко увернулся от взбешенного оленя и, подскочив к нему сбоку, пронзил его шею ножом. Олень ринулся к реке и упал, окрашивая воду кровью.

– Дело сделано с ловкостью индейца, – с одобрением сказал Соколиный Глаз. Однако Чингачгук поднял руку, призывая всех к тишине, и прислушался, наклонившись к земле.

– Я слышу звуки шагов, – сказал он наконец.

– Может, волки гнали этого оленя и теперь бегут по его следам? – предположил охотник.

– Нет. Приближаются кони белых, – ответил индеец. – Соколиный Глаз, это твои братья.

Поговори с ними.

– Хорошо. Я обращусь к ним с такой изысканной английской речью, что самому королю было бы не стыдно ответить мне, – произнес охотник по-английски. – Но я ничего не слышу: ни топота лошадей, ни... Ага! Теперь и я разобрал, как зашелестели кусты. А вот и люди.

5. Хитрая Лисица

Едва охотник замолчал, как из-за деревьев показался Хейворд, ехавший во главе небольшого отряда. Появление путешественников в глубине этих непроходимых лесов казалось более чем странным.

– Кто идет? – спросил Соколиный Глаз, как бы нечаянно подняв левой рукой ружье и приложив указательный палец правой к курку.

– Друзья закона и короля. Далеко ли отсюда до форта Уильям-Генри? – ответил Хейворд.

– Вы заблудились? – догадался Соколиный Глаз.

– Скорее всего. Мы доверились проводнику-индейцу, который вызвался вести нас коротким путем. Наверное, он плохо знал дорогу и заблудился, – объяснил Хейворд.

– Индеец заблудился в лесу? – с сомнением покачал головой охотник. – С трудом верится, что такое могло случиться! Из какого племени ваш индеец? Он мохок?

– По рождению нет. Но он долгое время жил в этом племени. Настоящая его родина севернее, он из гуронов.

– У-у-ух! – в один голос вскрикнули краснокожие товарищи белого охотника, до этого момента сидевшие неподвижно и ничем не проявлявшие интереса к происходящему.

– Гурон? – суровый разведчик снова недоверчиво покачал головой. – Это предательское, вороватое племя. Гурон всегда остается трусом и бродягой. Доверив свою судьбу такому человеку, вы могли запросто наткнуться в лесу на целую шайку кровожадных индейцев.

– Наш проводник теперь мохок, – возразил Хейворд. – Он служит английской армии и стал нашим другом.

– А я говорю вам, что тот, кто родился гуроном, гуроном и умрет, – уверенно ответил Соколиный Глаз. – Я служил разведчиком у англичан, и хорошо знаю обычаи и нравы индейцев. Если хотите видеть честных индейцев, ищите их среди могикан или делаваров. Правда, они не всегда соглашаются идти в бой. Но уж если они дерутся, то это настоящие воины.

– Довольно об этом! – нетерпеливо прервал разведчика молодой майор. – Я не намерен слушать гадости о хорошо знакомом мне человеке, который совершенно неизвестен вам. Прошу вас ответить на мой вопрос: на каком расстоянии мы находимся от форта Уильям-Генри? Если вы согласитесь проводить нас туда, – добавил Хейворд более миролюбивым тоном, – вы получите вознаграждение за труды.

– А кто поручится, что я не провожу врага и шпиона Монкальма в наши укрепления? Не всякий говорящий по-английски – честный и верный человек.

– Если вы действительно служили разведчиком, то, конечно, знаете шестидесятый королевский полк?

– Шестидесятый? Как не знать!

– Тогда вам известно имя самого молодого майора этого полка – Дункана Хейворда. Это я. Основной отряд сегодня утром выступил из форта Эдвард к озеру. Я же выбрал кратчайшую дорогу и доверился опытности своего проводника.

– А он обманул вас и потом бросил.

– Он не сделал ни того, ни другого. Во всяком случае, он находится здесь.

– Хотелось бы мне взглянуть на этого человека! Если он настоящий ирокез, я узнаю его по хитрому взгляду и по раскраске, – сказал Соколиный Глаз.

Индеец-скороход стоял в стороне, прислонившись к дереву. Он бесстрастно встретил взгляд разведчика. Лицо индейца выражало мрачную свирепость.

Разведчик обернулся к Дункану.

– После наступления темноты я не отважился бы пускаться в путь с этим скороходом. В чаще скрываются ирокезы, и ваш мнимый мохок слишком хорошо знает, где они прячутся.

– Вы так думаете? – спросил Хейворд, наклоняясь вперед и понижая голос. – Честно говоря, у меня тоже появились сомнения. Я старался скрыть их, чтобы не пугать моих спутниц. Однако я не позволил индейцу идти впереди, а заставил его следовать за нами.

– С первого же взгляда видно, что это обманщик, – сказал Соколиный Глаз и многозначительно дотронулся до своего ружья. – Я могу отсюда попасть ему в колено, и после этого он месяц не сможет ходить. Приблизиться к нему нельзя: хитрец заподозрит неладное и улизнет в кусты.

– А если он ни в чем не виноват? – усомнился Хейворд.

– Ну, в этом нечего сомневаться: ирокез всегда готов изменить и обмануть, – заявил Соколиный Глаз, вскинул ружье и навел его дуло на Магуа.

– погодите, – остановил его Дункан, – не стреляйте. Может быть, есть другой способ от него избавиться?

Соколиный Глаз на минуту задумался, потом сделал рукой знак своим друзьям-могикианам. Те быстро подошли к нему. Все трое начали вполголоса совещаться на делаварском наречии. Скоро могикане, отложив ружья, бесшумно исчезли в чаще.

– Теперь, – обратился к майору Соколиный Глаз, – отвлеките индейца разговором. Могикане схватят и обезоружат его.

– Нет, – гордо ответил Дункан, – я сам хочу это сделать.

– Вы же на лошади, а он пеший. Увидев, как вы освобождаете из стремени ногу, ваш проводник исчезнет в чаще, и нам уже не удастся его поймать.

Разведчик отвернулся, показывая тем самым, что обсуждение окончено, и завязал оживленный разговор с певцом. Дункан подъехал к Магуа.

– Магуа, – начал Хейворд, – наступает ночь, а до форта Уильям-Генри еще очень далеко. Ты сбился с дороги, да и я оплошал. К счастью, мы встретили охотника, который обещает проводить нас в безопасное место.

Индеец пристально посмотрел в лицо Хейворда и спросил на ломаном английском языке:

– Он один?

– О, не совсем один, Магуа: ведь с ним мы! – уклончиво ответил майор.

– Тогда Хитрая Лисица уходит, – хладнокровно произнес индеец.

– Кого ты называешь Хитрой Лисицей, Магуа?

– Магуа и есть Хитрая Лисица.

– Зачем уходит, Магуа? Разве мы с тобой не друзья? – вкрадчиво заговорил Хейворд. – Мунро посулил наградить тебя, когда ты выполнишь свое обещание – проводишь его дочерей в форт. Я тоже не останусь в долгу. Давай отдохнем и подкрепимся.

Проницательный взгляд индейца был прикован к лицу майора, но когда Хейворд взглянул на Магуа, скороход быстро отвел глаза в сторону, уселся на землю и вынул из сумки остатки съестных припасов. Индеец напряженно прислушивался. Хейворд следил за каждым его движением. С притворной небрежностью молодой майор вынул одну ногу из стремени, а руку положил на чехол из медвежьей шкуры, в котором хранились его пистолеты.

Магуа медленно и осторожно поднялся на ноги, так что при этом не было слышно ни малейшего шороха. Хейворд соскочил с лошади, твердо решив схватить предателя, если тот попытается бежать. Однако Магуа не тронулся с места. Хейворд дружески протянул индейцу холщовый мешок, предлагая угостить его хлебными зернами из своих запасов. Индеец подал майору свою сумку, по-видимому, желая воспользоваться предложением офицера. Их руки встретились. Дункан обхватил запястье проводника. Магуа резко отбросил руку Хейворда, пронзительно вскрикнул, увернулся и исчез в чаще.

В следующую секунду из-за кустов появился Чингачгук. Могиканин кинулся за скороходом. Послышались крики Ункаса. Лес озарился вспышкой: это Соколиный Глаз выстрелил из ружья.

6. Новый проводник

Хейворд кинулся вслед скороходу. Однако через несколько метров он столкнулся в кустах с охотником и его друзьями, которые возвращались, не поймав беглеца. Соколиный Глаз ранил Магуа, но решил не продолжать преследование. Опытный охотник, он знал, что вероломный индеец подведет их с могиканами под удары томагавков гуронов. Дункан одобрил его решение. Молодой майор вспомнил об ответственности, возложенной на него: теперь он один отвечал за безопасность своих спутниц. Дункану казалось, будто страшные, свирепые лица выглядывают из-за ветвей и следят не отрываясь за каждым его шагом.

– Что же теперь делать? – беспомощно спросил Хейворд разведчика. – Не бросайте меня, друзья, останьтесь, чтобы защитить девушек, которых я сопровождаю! И не стесняйтесь: требуйте от меня какой угодно награды.

Белый охотник и его друзья-могикане перекинулись несколькими фразами на делаварском наречии. Было заметно, что, обычно сдержанный, молодой могиканин говорил горячо и убежденно.

– Ункас прав: мы поступили бы недостойно, бросив беспомощных девушек на произвол судьбы, – обернулся наконец Соколиный Глаз к Хейворду. – Мы проводим вас в надежное убежище. Но прежде вы должны дать мне два обещания. Первое: что бы ни происходило, – молчите. Второе: сохраните в тайне от всех, где находится убежище.

– Я исполню ваши условия, – решительно пообещал Дункан.

Хейворд быстро подошел к своим спутницам и вкратце объяснил Коре и Алисе условия их нового проводника. Девушки с помощью Дункана соскочили с седел и быстро спустились к реке.

– Нам придется спрятать лошадей, чтобы обмануть преследователей. За нами непременно будет погоня. Будьте уверены, ваш бывший проводник поведет сюда целую толпу гуронов, жаждущих скальпов. Пусть они думают, будто мы продолжаем путь верхом. Пусть догоняют нас... Чингачгук, что это шелестит в кустах?

– Жеребенок.

– А вот его придется убить.

– Пощадите отпрыска моей верной Мириам! – взмолился учитель пения. – Он никому не делает зла!

– Жеребенок ржанием выдаст место, где спрятаны остальные лошади. Нам не приходится выбирать, времени мало.

Раненый меткой стрелой молодого могиканина, жеребенок вскинулся на дыбы, упал на колени, и Чингачгук полоснул его ножом по горлу. Индеец столкнул свою жертву в реку, и труп поплыл по течению.

Чингачгук и Ункас, взяв под уздцы упирающихся лошадей, ввели их в воду и скоро скрылись под нависшими берегами.

В это время разведчик вывел из тайника сделанную из березовой коры пирогу. Затем жестом пригласил девушек сесть в лодку.

Кора и Алиса, а за ними и опечаленный гибелью жеребенка учитель пения очутились в пироге, а разведчик и Хейворд некоторое время тащили лодку по воде против течения. Взгляд Хейворда упал на густую тень, которую высокий берег отбрасывал на воду. Там что-то двигалось. Дункан обернулся к проводнику и указал рукой на темное пятно.

– Индейцы спрятали там лошадей, – пояснил Соколиный Глаз. – На реке не остается следов. Лошади переночуют в воде. Я сейчас отвезу вас в убежище, а потом вернусь за могиканами.

Соколиный Глаз взял на себя сложную обязанность вести лодку по бурному потоку. Впереди шумел водопад. Много раз путешественникам казалось, что водоворот увлечет их к гибели, но умелая рука кормчего легко направляла и поворачивала пирогу. Наконец пирога подплыла к плоской скале, еле выдававшейся из воды.

– Это Гленнский водопад, – громко объявил разведчик, зная, что при грохоте падающей воды незачем понижать голос. – Высаживайтесь на эту скалу, а я привезу могикан и съестные припасы.

Скоро пирога снова подошла к низкой скале. Разведчик и его краснокожие друзья вытащили на берег убитого оленя.

– Ну, вот вам и крепость, и гарнизон, и провиант! – весело крикнул Хейворд. – Здесь не страшны ни Монкальм, ни его союзники! А теперь, наш избавитель, расскажите, что вы думаете об ирокезах?

– Ничего хорошего я не скажу об этом племени! – был ответ. – Если генерал Вебб хочет видеть у себя на службе честных и верных индейцев, ему надо дружить с делаварами, а французам отдать жадных, лживых мохоков и онайдов.

– Это значит, что ему пришлось бы связаться с бездействующими друзьями. Я слышал, что делавары бросили томагавки и страшатся войны.

– Я знаю делаваров двадцать лет и назову лгуном всякого, кто скажет, что в жилах делавара течет кровь труса, – возразил Соколиный Глаз. – Белые оттеснили это гордое племя от морских берегов, а теперь верят врагам делаваров, которые клеветают на них.

– Я отлично вижу, что ваши товарищи храбрые и осторожные воины. Скажите, не успели ли кто-нибудь из них заметить врагов? – поинтересовался Дункан.

– Когда я проходил мимо лошадей, они дрожали и жались друг к другу. Наверное, они чувствуют приближение волков. А ведь волки часто рыщут неподалеку от засады индейцев, надеясь поживиться остатками трапезы. Так что нужно срезать мясо оленя с костей и бросить остатки в реку, – заторопился Соколиный Глаз, – не то нас скоро окружит стая волков. Ирокезы поймут по их вою, что мы прячемся на этом островке.

Соколиный Глаз, а за ним и могикане, словно угадав намерения своего белого товарища, исчезли. Казалось, они вошли в темную отвесную стену, которая поднималась в нескольких ярдах от берега.

7. Убежище над водопадом

Хейворд и Кора с Алисой с тревогой проводили взглядом проводников. Один певец не обращал внимания на происходившее вокруг него. Он сидел на выступе скалы и тяжело вздыхал, измученный трудным переходом.

Вдруг совсем рядом послышались приглушенные голоса. Яркий свет ударил в глаза путешественникам. Перед ними открылась тайна убежища, в которое их привели разведчик и могикане. В дальнем конце узкой глубокой пещеры стоял Соколиный Глаз, держа в руке связку пылающих сосновых веток. Отсвет огня падал на его суровое, обветренное лицо, а лесной наряд и придавал оттенок романтической дикости этому человеку. Ближе к выходу из пещеры стоял Ункас. Глаза молодого могиканина блестели, открытое гордое лицо излучало спокойствие. Он приподнял одеяло, занавешивающее вход в пещеру, и жестом предложил путникам войти.

– Огонь разгорается слишком ярко, – сказал Соколиный Глаз, – того и гляди, он укажет врагам наш приют. Ункас, опусти одеяло. Пора приняться за ужин.

– Не опасно ли оставаться в этой пещере? – спросил Хейворд. – Что мы будем делать, если на нас нападут? Ведь, стоя у выхода, один вооруженный человек может перестрелять всех нас.

В темноте из-за спины разведчика вынырнул Чингачгук. Приподняв второе одеяло, индеец показал, что из пещеры вел второй выход. Потом, держа в руках пылающую головню, индеец проскользнул через узкий проход в утесе в соседний грот.

– Таких опытных лисиц, как мы с Чингачгуком, не часто ловят в норе с одним выходом! – со смехом заметил Соколиный Глаз. – Да и добраться до нашего острова не так-то просто. По обеим сторонам от нас водопады. При дневном свете стоило бы подняться на скалу и посмотреть на причуды воды. Она падает безумными прыжками. Иногда скачет, иногда течет гладко; тут она кувыркается, там тихо струится; в одном месте бела как снег, в другом кажется травянисто-зеленой; то журчит и поет, как ручей, то вдруг начинает крутиться водоворотом и размывает каменные скалы, как мягкую глину.

Путешественники успокоились и решили заняться ужином. Ункас вел себя по отношению к Коре и Алисе исключительно радушно и предупредительно. Дункан был удивлен, потому что знал, что такая услужливость не в обычаях индейцев. Скоро он заметил, что Кора пользовалась особым расположением юноши. Ункас часто смотрел долгим взглядом на красивое выразительное лицо старшей сестры, обращался к ней только по-английски, по-особому, мелодично и нежно выговаривая слова.

Ничто не нарушало важного спокойствия Чингачгука; он сидел в свете костра, и путешественники, беспечно поглядывая на старого индейца, увидели наконец истинное выражение его лица, которое проступало сквозь боевую раскраску. Свириное выражение смягчилось, и от старого вождя веяло теперь ясным спокойствием, которое отличает индейского воина. Соколиный Глаз же беспрестанно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, прислушиваясь к отдаленному шуму. Учитель пения по-прежнему сидел в глубокой печали и задумчивости.

– Друг, – заговорил Соколиный Глаз, вынимая из-под листьев небольшой бочонок, – попробуйте этого вина – оно улучшит вам настроение. Я пью за нашу дружбу. Как вас зовут?

– Давид Гамут, – ответил учитель пения, охотно соглашаясь залить свои печали глотком сильно приправленного пряностями напитка.

– Отличное имя. Жаль только, что изобретательность христиан, дающих имя ребенку, значительно отстает от остроумных обычаев индейцев. У индейца имя – дело чести. Например, «Чингачгук» значит «Великий Змей». Это имя говорит, что его владелец мудр, молчалив и умеет наносить своим недругам удары в самый неожиданный момент. А чем вы занимаетесь? – обратился Соколиный Глаз к Гамуту.

– Я преподаватель благородного искусства псалмопения.
– Вы могли бы выбрать занятие получше. Умеете ли вы, по крайней мере, обращаться с ружьем?

– Слава Богу, мне еще никогда не приходилось иметь дело со смертоносным оружием.

– Может быть, вы умеете находить путь по компасу, наносить на карту направление рек, обозначать на бумаге горы и пустыни, чтобы люди сумели отыскать эти места?

– Нет, этим я не занимаюсь.

– Ваши ноги вполне могут превратить длинную дорогу в короткую. Генерал посылает вас с донесениями?

– Никогда. Я следую только моему высокому призванию, то есть обучаю людей церковной музыке.

– Странное призвание, – произнес Соколиный Глаз и усмехнулся. – Всю жизнь повторять, как пересмешник, высокие и низкие ноты! Впрочем, простите, друг мой. Пение ваш талант, и я не стану порицать его. Покажите-ка ваше искусство. Пусть это будет нашим дружеским прощанием на ночь.

Поправив очки в железной оправе, Гамут вынул маленький томик и передал книгу Алисе.

– Споем же вечернюю молитву после дня, полного опасности и риска! – назидательно произнес Давид.

Алиса приготовилась петь. Кора вызвалась поддержать сестру. Полился торжественный напев. Природный вкус и верный слух Давида руководили певицами. Он дирижировал, соразмеряя силу голосов с размерами узкой пещеры. Задушевные звуки даже Хейворда не оставили равнодушным. Обернувшись, он заметил, что индейцы все это время с таким пристальным вниманием смотрели на скалы, что, казалось, сами превратились в камни. Дункану стало немного неловко за свой душевный порыв. Однако, переведя взгляд на разведчика, Хейворд увидел, что мало-помалу и его суровые черты смягчились. В благостном настроении усталые путешественники готовились отойти ко сну.

И вдруг с реки донесся нечеловеческий вопль.

– Что это? – прошептала Алиса.

– Что это? – громко спросил Дункан.

Соколиный Глаз и могикане только напряженно прислушивались. Разведчик объяснил своим спутникам, что это не боевой клич индейцев. Однако никто не смог объяснить происхождения странного звука.

Соколиный Глаз распорядился, чтобы девушки шли спать в дальнюю пещеру. Сестры долго не могли заснуть. Они сильно тревожились – не за себя, а за старика отца, который, несомненно, беспокоился о том, куда пропали его дочери.

– Как глупо было с нашей стороны пуститься в эту поездку! – шепнула Кора сестре. Алиса грустно опустила голову.

Снаружи снова донесся ужасный вопль, и вслед за тем наступило долгое молчание. Путешественники переглядывались, со страхом ожидая продолжения. Суровая твердость разведчика сменилась неуверенностью. Его ловкость и опытность оказались бессильны перед неминуемой опасностью.

8. Тревожная ночь

Соколиный Глаз в сопровождении могикан и Хейворда вышел из пещеры. Необходимо было все же выяснить, откуда доносятся зловещие вопли. Мужчины поднялись на скалу, готовые отразить нападение, откуда бы оно не исходило. Девушки последовали за ними и встали чуть поодаль.

Сильный ветер реял над рекой. Луна поднялась, ее свет играл на поверхности воды; край скалы, на котором стояли люди, был погружен в густую мглу. За исключением гула падающей воды да сильных вздохов порывистого ветра все было тихо. Напрасно глаза путешественников напряженно всматривались в противоположный берег. Неверный свет луны обманывал зрение встревоженных людей, и их взгляд встречал только обнаженные утесы и неподвижные деревья.

Снова раздался тот же звук. По-видимому, он доносился с реки.

– Какой странный вопль, – заметил Соколиный Глаз. – Если кто-нибудь понимает, в чем дело, пусть скажет. Я считаю, что это нечто сверхъестественное.

– Эти звуки хорошо знакомы мне, – сказал Дункан, – я часто слышал их на поле сражения. Это ржание испуганной лошади. Вероятно, это мой конь видит опасность. Я не смог узнать его голос, пока сидел в пещере, но на открытом воздухе не могу ошибиться.

– У-у-ух, – только и произнесли могикане. Соколиный Глаз подумал немного и ответил:

– Я плохо знаю повадки лошадей. Думаю, на берегу собрались волки... Ункас, – обратился он к молодому индейцу, – сойди-ка в пирогу, спустись по течению и швырни в стаю волков горящую головню, иначе мы останемся без лошадей. Между тем завтра нам необходимо двигаться быстро.

Молодой туземец спустился к воде, как вдруг раздался протяжный громкий вой. Казалось, волки бросились наутек, испугавшись какой-то неожиданной опасности.

Ункас поспешно вернулся обратно. Трое друзей снова стали совещаться, затем в молчании уселись на скале. Им требовалось время, и немалое, чтобы осмыслить, какие действия придется предпринять в сложившейся ситуации. Дункан тем временем, не желая мешать своим проводникам, устроил девушек на ночлег в расщелине на груде веток. Сам он расположился неподалеку.

Шли часы. Ничто не нарушало тишины и спокойствия ночи. Луна поднялась высоко, и ее отвесные лучи освещали двух сестер, которые мирно спали, обнявшись. Дункан прикрыл сестер большой шалью Кору, потом опустил голову на обломок камня и вскоре тоже задремал. Со стороны Давида несся такой громкий храп, который в минуту бдения возмутит бы его же собственный слух. Словом, кроме разведчика и могикан, всех одолел сон. Только бдительные стражи не знали усталости.

Наконец над верхушками деревьев появилась розовая полоса и возвестила о наступлении нового дня. Тогда Соколиный Глаз впервые пошевелился, прополз вдоль утеса и разбудил крепко спавшего Дункана.

– Пора в путь, – прошептал охотник. – Разбудите девушек. Я подведу пирогу. Приготовьтесь спуститься к реке.

– Кора! Алиса! Вставайте! Пора в путь! – произнес Хейворд, склоняясь над спящими сестрами.

Вдруг раздалась выстрелы с противоположного берега. Несчастный учитель пения от страха выскочил из своего укрытия, выпрямился во весь рост и тут же поплатился за это. Оглушительный залп донесся с противоположного берега, и Гамут без чувств упал на камни. Завязалась перестрелка. Соколиный Глаз выстрелил из своего ружья и убил одного из врагов наповал. Дикари отступили, яростные крики смолкли.

– Индейцы вернутся, – заметил Соколиный Глаз. – Мы должны продержаться, пока Мунро не придет нам на помощь солдат.

– Кора, – обратился к старшей девушке Дункан, – войдите с Алисой в пещеру, там вы будете в безопасности, и позаботьтесь о Гамуте. Он скоро придет в себя.

Сам Хейворд присоединился к разведчику и могиканам, которые все еще лежали в узкой расселине между двумя пещерами.

Тем временем дикари переправились на ост ров. Четыре индейца выскочили из-за засады. Ожидание нападения было до того мучительно, что Хейворд чувствовал непреодолимое желание броситься им навстречу. Однако его остановило спокойствие Ункаса и сдержанность разведчика. Гуроны перепрыгнули через черные гряды скал, которые возвышались перед ними, и с воем кинулись вперед.

Ружье Соколиного Глаза, которое он любовно называл «оленебоем», медленно поднялось над кустами, и из длинного ствола вылетела роковая пуля. Передний гурон упал между утесами.

Остальные дикари стремительно бросились вперед. Между Дунканом и могучего сложения краснокожим завязался рукопашный бой. Соколиный Глаз тоже схватился с дюжим индейцем. Силы противников были практически равны. Острый нож мелькнул в воздухе, страшные объятия сдавили запястья разведчика. Соколиный Глаз напряг мускулы. Ему удалось освободиться от врага и одним ударом ножа пронзить его грудь.

Хейворд боролся со своим врагом на краю отвесной скалы, и смерть грозила молодому офицеру. Индеец выбил из рук Хейворда его тонкую шпагу. К счастью, Хейворду тоже удалось обезоружить гурона, и нож индейца со звоном упал на камень. Гурон сдавил горло Дункана железными пальцами. Молодой майор начал терять сознание. В эту минуту над головой индейца сверкнуло лезвие ножа. Пальцы гурона разжались, и сильные руки Ункаса оттащили Дункана от края пропасти.

9. Перед лицом опасности

– Я хочу поблагодарить тебя, Ункас, – сказал Дункан, когда бой окончился. – Ты спас мне жизнь. Теперь я твой друг навеки и никогда не забуду, чем тебе обязан.

Ункас приподнялся и протянул Хейворду руку.

В момент дружеского рукопожатия молодые люди с искренней симпатией смотрели друг на друга. Дункан совершенно забыл про общественное положение своего товарища. Однако недолго им удалось предаваться дружеским чувствам.

На расстоянии нескольких десятков метров от убежища путешественников рос старый дуб. Посреди листвы, едва прикрывавшей узловатые ветви дерева, устроился вооруженный гурон. Индеец то прятался за ствол, то выглядывал из-за ветвей, производя выстрелы из своего ружья.

– Держи его под прицелом, мальчик, пока я заряжу «оленебой», – обратился Соколиный Глаз к Ункасу. – Потом мы с тобой одновременно выстрелим в дерево с разных сторон.

Гурон стрелял беспорядочно, торопливо. Однако его пули иногда достигали цели. Внезапно рука Хейворда дернулась, а на мундире проступила кровь. Наконец гурон попытался занять более выгодную позицию на нижней ветке, чтобы прицелиться получше. Соколиный Глаз воспользовался этим и выстрелил. Тело дикаря закачалось в воздухе, задергалось в предсмертных конвульсиях, но ни один стон не вылетел из его губ. Мужество врага произвело впечатление на разведчика – да и простая человеческая жалость оказалась не чуждой суровому жителю лесов. Прогремел второй выстрел «оленебой». Индеец рухнул в пенящиеся волны реки. Соколиный Глаз покачал головой и укоризненно пробормотал:

– Это был последний заряд пороха, последняя пуля... Я поступил, как мальчишка. Ну не все ли мне было равно, живой или мертвый он свалится в воду!.. Ункас, мальчик мой, пройди-ка к пироге да принеси оттуда большой рог. Там все остатки нашего пороха. Подозреваю, мы скоро истратим его до последней крупинки.

Крик Ункаса, спустившегося к реке, стал сигналом нового неожиданного бедствия. Невдалеке от утеса виднелась легкая пирога разведчика; она неслась по реке, управляемая невидимым пловцом. В суматохе одному из гурунов удалось угнать лодку со всеми запасами Соколиного Глаза, на которые так рассчитывал разведчик.

– Да... – пробормотал разведчик, садясь на выступ скалы. – Три ружья теперь не опаснее сброшенных оленьих рогов!

– Наше положение не может быть так безнадежно! – воскликнул молодой майор. – Гуруны далеко, мы успеем укрепить пещеры и помешаем им высадиться на остров.

– А какими средствами, спрошу я вас? – задал вопрос Соколиный Глаз. – Стрелами Ункаса или слезами девушек? Вы молоды, богаты, у вас много друзей, и я понимаю, что в ваши годы тяжело умирать. Однако, – прибавил он и перевел взгляд на могикан, – не следует забывать, что мы с вами англичане. Покажем жителям лесов, что, когда наступает их последний час, белые так же бесстрашно проливают свою кровь, как краснокожие!

Дункан оглянулся. Чингачгук в гордой позе сидел на обломке скалы; он положил на камень нож и томагавк, снял с головы орлиное перо и приглаживал единственную прядь волос. Лицо индейца было спокойным; его темные глаза постепенно теряли воинственный блеск и принимали выражение бесстрастия и готовности к смерти.

– Чингачгук, брат мой, – сказал Соколиный Глаз, – сегодня мы бились вместе в последний раз...

– Пусть жены гурунов плачут над своими убитыми! – твердо ответил индеец. – Великий Змей могикан свернул свои кольца в их вигвамах! Он отравил их победные клики плачем

и стонами детей, отцы которых не вернулись домой. С тех пор как растаял последний снег, одиннадцать воинов из племени гуронов уснули навеки, и Чингачгук помог им в этом.

– Пусть они ищут своего умершего соплеменника среди рыб, – эхом отозвался молодой Ункас. – Пусть гуроны плывут, словно скользкие угри. Как гнилые плоды, они падают с ветвей деревьев, а могикане смеются.

– Ого! – пробормотал Соколиный Глаз, который с глубоким вниманием слушал речь туземцев. – Как говорится, не в бровь, а в глаз. Хотя вряд ли их насмешки услышат гуроны. Но я белый, а потому мне подобает умереть смертью белого, то есть без брани на устах и без горечи в сердце.

– Да зачем же умирать? – произнесла молчавшая до сих пор Кора. – Бегите в лес! Мы и так уже слишком многим обязаны вам.

– Конечно, – принялся вслух рассуждать Соколиный Глаз, покосившись на отважную девушку, – если бы мы поплыли вниз по реке, течение скоро унесло бы нас на расстояние, где гуроны уже не смогут нас достать. Но человеку лучше умереть со спокойной совестью, чем до конца жизни мучиться раскаянием. Что мы ответим Мунро, когда он спросит, почему мы бросили его дочерей?

– Пойдите к нему и попросите для нас помощи.

– Это весьма разумное предложение. Чингачгук, Ункас! Вы слышали, что сказала черноглазая девушка?

Чингачгук в знак согласия махнул рукой. Потом, засунув за пояс свой нож и томагавк, медленно подошел к краю скалы. Он постоял минуту, затем бросился в воду, нырнул и скрылся из поля зрения.

Разведчик задержался, чтобы сказать несколько слов Коре.

– Если вас уведут в леса, заламывайте по пути ветки кустов и деревьев и старайтесь двигаться так, чтобы оставался широкий след.

Кора кивнула головой. Соколиный Глаз на мгновение повис на скале, разжал руки и очутился в воде. Струи сомкнулись над его головой, и он исчез. Девушка обернулась к Ункасу, чтобы поторопить его.

– Ункас останется, – спокойно ответил молодой могиканин, не сводя глаз с красивого лица Кору.

– Это только усложнит ситуацию, – твердо произнесла она, опуская глаза под взглядом могиканина и смутно угадывая свою власть над ним. – Спешите к моему отцу, и станьте самым верным из моих гонцов. Просите у Мунро денег для выкупа. Я... я очень прошу вас...

Неслышными шагами Ункас пересек скалистую площадку и скользнул в бурный поток.

Кора повернулась к Хейворду.

– Я знаю, что вы тоже хорошо плаваете, Дункан. Здесь от вас не будет пользы. Мне будет легче, если я буду знать, что вы спаслись.

– А ей?

Дункан не тронулся с места, только долгим нежным взглядом посмотрел на Алису, которая с детской беспомощностью прижималась к его руке.

Кора перестала уговаривать Хейворда. Обняв сестру, она повела Алису в пещеру.

10. Магуа возвращается

Дункан завалил ветвями вход в пещеру и замаскировал его. Позади этой хрупкой преграды он повесил одеяла: таким образом во внутреннюю пещеру не проникал свет.

– Мне не по душе обычай туземцев покоряться несчастью без борьбы, – пояснил Дункан, продолжая укладывать ветви. – Наше правило: «Пока я жив, я надеюсь». Мне кажется, оно больше соответствует характеру воина. Так что попытаемся сопротивляться достойно. Вас, Кора, я не стану уговаривать. Редко встретишь более мужественную женщину. Прошу вас только поддержать бедняжку Алису...

– Я спокойна, Дункан, – ответила Алиса. – Постараюсь не быть обузой для вас.

– Вот теперь вы говорите, как подобает дочери Мунро, – широко улыбнулся Хейворд, любуясь девушкой. – И поверьте, для меня вы никогда не были и не будете обузой.

Кора поспешно отвела глаза в сторону. Дункан смутился, отвернулся, потом сел посредине пещеры и сжал пистолет. Воцарилась глубокая тишина. Свежий утренний воздух проникал в пещеру. Минуты тянулись бесконечно, ничто не нарушало покоя.

Давид Гамут сидел в стороне, совершенно безучастный к происходящему. Луч, заглянувший в отверстие пещеры, осветил его изнуренное лицо и упал на страницы томака, который певец все перелистывал навязчивым движением, точно отыскивая там песнь, наиболее отвечающую моменту.

Кора предостерегающе подняла руку, приложила палец к губам и вопросительно посмотрела на Хейворда. Поразмыслив, майор решил, что большого вреда от пения Давида не будет.

– Рев водопада заглушит голос, – сказал Дункан Коре. – Кроме того, пещера поглотит звук. Пусть он отведет душу. И сам успокоится, и нас отвлечет от грустных мыслей.

Давид послушно прокашлялся. У него был приятный голос. Тихие рокошующие звуки которого наполнили узкую пещеру, полилась чарующая мелодия. Кора облегченно улыбнулась, а Хейворд отвел напряженный взгляд от входа в пещеру, глядя то на Давида, то на Алису. Глаза последней светились восторгом. Дункан подумал, что в общем Давид не так и плох; встретиться они при других обстоятельствах, Хейворд считал бы певца хорошей компанией. Его тонкий вкус и потрясающее чувство музыки были заметны даже такому далекому от искусства человеку, как молодой офицер. Хейворд поймал себя на том, что не вслушивается в слова священного гимна. Однако впервые он понял значение слов «душа радовалась»: Дункан полностью отдался во власть музыки и его не смущало, при каких странных и опасных обстоятельствах на него снизошло это просветление.

Сочувствие слушателей тронуло Гамута. Певец сделал новое усилие, и полились протяжные мощные звуки. Вдруг снаружи раздался страшный крик. Певец замолк, растерянно оглядываясь на Хейворда.

– Мы погибли! – крикнула Алиса, прячась за сестру.

– Нет-нет! – ответил ей шепотом Хейворд. – Крик донесся с середины острова. Это дикари нашли своих убитых товарищей. Они не знают, где мы прячемся. Нам надо только постараться не обнаружить себя.

Слова Дункана не пропали даром. Девушки собрались и стали молча ждать развития событий.

Вскоре послышались завывания и улюлюканье, потом с разных сторон зазвучали голоса индейцев; сначала они доносились издали, потом стали приближаться к пещере. Хейворд понял, что их убежище обнаружено, и последний луч надежды погас в его душе.

Однако настроение майора вновь изменилось к лучшему, когда он догадался, что индейцы остановились у камня, на который Соколиный Глаз положил свое ружье прежде, чем исчезнуть в бурных водах реки. Майор прислушался. Он понимал не только отдельные слова,

но и целые фразы, произнесенные на канадском жаргоне, в основу которого положен французский язык. Хор голосов повторял на все лады: «Длинный Карабин», «Длинный Карабин»!

Хейворд мгновенно вспомнил, кому принадлежало это имя. Охотник и разведчик английской армии, лесной следопыт, самый меткий стрелок американских лесов, белый воин, которого уважали и боялись индейцы, легендарный Зверобой по имени Натаниэль Бампо. Только теперь Дункан понял, кто вызвался быть его проводником, кто охранял их с девушками от опасности, в чьи руки они вверили свою судьбу.

– Сидите как можно тише, – шепнул Хейворд Коре с Алисой, – если сейчас нас не обнаружат, мы спасены. Мне удалось понять: наши проводники не попались им в лапы. Так что скоро можно ждать подкрепления.

Прошло несколько минут. Снаружи царил тишина. Хейворд догадывался, что в это время гуроны продолжают поиски. Он различал осторожные шаги индейцев, слышал, как шуршали сухие листья и с треском ломались сучки. Наконец гряда ветвей, которыми Хейворд завалил вход в пещеру, слегка подалась, один угол одеяла упал, и слабый свет заиграл в отдаленном углу убежища.

Между двумя пещерами было очень узкое пространство. Дункан понимал, что убежать незамеченными из нее не удастся. Оставалось надеяться только на счастливую случайность. Стараясь ступать бесшумно, Дункан прошел мимо Давида и обеих девушек и остановился у входа. Теперь всего около метра отделяло его от преследователей. Майор прижал лицо к отверстию и с равнодушием отчаяния выглянул наружу.

Он мог бы дотронуться до мускулистого плеча высокого индейца, который, судя по его повелительным жестам и властным интонациям, командовал остальными. Индейцы скрупулезно переворачивали и перетряхивали вещи, составлявшие скромное имущество Соколиного Глаза. На том месте, где на груди веток раньше лежал Давид, осталось пятно крови. Видя это доказательство успешности своих действий, индейцы одобрительно загоготали.

Решив, что они по крайней мере опасно ранили Длинного Карабина, гуроны замолкли. Один из индейцев поднял окровавленную ветку и бросил ее на грудь, наваленную Дунканом перед входом во вторую пещеру. Таким образом индеец завалил отверстие, через которое смотрел майор. Остальные дикари быстро перекидали сверху остаток веток, не предполагая, что таким образом сами же прятали людей, которых искали.

Когда под давлением новых охапок зелени одеяла подались, а ветви от собственной тяжести забили в трещины камней, образовав плотную массу, Дункан вздохнул свободно. Услышав удаляющиеся голоса, он подкрался ко второму выходу из пещеры, откуда смог увидеть, что индейцы побежали вниз к реке. Новый жалобный вопль донесся с берега. Дункан объяснил отчаяние врагов тем, что они опять собрались вокруг тел убитых товарищей.

– Кора, они ушли, – шепнул он. – Алиса, мы спасены.

– Слава Богу! – произнесла Алиса, освобождаясь из объятий Кору и опускаясь на колени.

Но едва девушка сложила на груди руки для молитвы, слова, которые она собиралась произнести, внезапно замерли у нее на устах. Алиса судорожно стиснула пальцы, указывая на плоскую скалу, своеобразный порог открытого отверстия пещеры. Хейворд проследил за ней взглядом, и молодого майора прошиб холодный пот. У самого порога стоял Магуа.

Несмотря на неожиданность, самообладание не покинуло Дункана. Хитрая Лисица бесцельно шарил взглядом по пещере, и майор понял, что Магуа еще ничего не успел разглядеть в полумраке. Хейворд решил, что благоразумнее будет отступить за выступ стены и спрятаться вместе со своими спутниками. Однако тут на лице их бывшего проводника мелькнуло выражение глубокого торжества. Дункану показалось, будто Магуа вновь переживает момент своего предательства, представляя себе, как ловко он обманул молодого майора. Это предположение вывело Дункана из себя. Забыв обо всем на свете, Хейворд прицелился и выстрелил.

Пещера загудела, все пространство заволочло дымом. С минуту четверо ее обитателей сидели, словно оцепенев. Когда же ветер, дувший из ущелья, рассеял клубы дыма, на месте, где только стоял Магуа, никого не оказалось. Хейворд бросился к выходу и увидел, как темная фигура индейца крадется вдоль низкого узкого выступа скалы. Спустя мгновение Магуа окончательно исчез из виду.

Едва прогремел выстрел, дикари как по команде замолчали и дружно обернулись в сторону пещеры, откуда донесся звук. Почти сразу же раздался крик Магуа. Его соплеменники мигом сообразили, в чем дело. Топот ног и воинственное улюлюканье стали приближаться. Дункан не успел сказать ни слова своим ошарашенным спутникам. Хрупкая преграда из ветвей рухнула. Индейцы ворвались в пещеру. Хейворда и девушек вытащили из убежища, и их окружила толпа торжествующих гуронов.

11. В плену

Краснокожие наперебой дергали за украшения мундира Хейворда. В их глазах горело неприкрытое желание немедленно завладеть золотым шитьем и галунами. Но грозные окрики предводителя – высокого индейца – остановили дикарей. Это утвердило Дункана в мысли, что его и Кору с Алисой решено пощадить для какого-то особого случая.

Пока молодые гуроны на все лады демонстрировали свою алчность, более опытные воины продолжали обыскивать обе пещеры. Тщательность, с которой они это делали, доказывала, что они не удовлетворены результатами поисков. Не находя других жертв, усердные мстители подступили к Дункану и Давиду, повторяя имя «Длинный Карабин». Чтобы потянуть время, Дункан притворился, будто он не понимает значения их вопросов. Давид же на самом деле не знал французского языка. Тон индейцев становился все агрессивнее. Хейворд подумал, что опасно раздражать победителей упрямым молчанием. Он огляделся кругом, отыскивая глазами Магуа, который мог бы перевести его ответы гуронам.

Магуа стоял чуть в стороне. Поведение его резко отличалось от образа действий его товарищей. Пока все остальные старались удовлетворить ребяческую склонность к грабежу, присваивая жалкое имущество разведчика, Хитрая Лисица спокойно разглядывал пленников. Казалось, он достиг главной цели своего предательства и вполне этим удовлетворен. Когда глаза Хейворда впервые встретили взгляд бывшего проводника, майора прошиб холодный пот. На лице Хитрой Лисицы был написан смертный приговор попавшим в его руки бледнолицым.

Хейворд лихорадочно соображал, что можно предпринять, чтобы исправить положение. Он решился вступить в переговоры с Магуа и попытаться переманить хитрого гурона на свою сторону.

– Хитрая Лисица очень мужественный воин, – вкрадчиво начал Дункан. – Он не откажется объяснить безоружному человеку, что говорят победители.

– Они спрашивают, где охотник, знающий лесные тропинки, – на ломаном английском языке ответил Магуа и с неприятным смешком положил руку на листья, которыми была перевязана рана у него на плече. – Ружье Длинного Карабина бьет без промаха, его глаз видит цель и ночью, но даже оно не смогло отнять у Хитрой Лисицы жизнь.

– Лисица храбр. Он сумел дать отпор Длинному Карабину. Лисица мудр. Он не обижается на раны, полученные в битве. Лисица справедлив. Он не станет объявлять войну случайным попутчикам охотника.

– А разве шла война, когда индеец отдыхал под деревом и хотел поесть хлеба? Откуда взялись в кустах ползучие враги? Чей язык говорил о мире, в то время как мысли были о кровавой битве? Разве это Магуа сказал, что томагавк вырыт из земли и что это его рука выкопала боевой топор?

Дункан не решился напомнить врагу о его предательстве, не хотел он и раздражать индейца, пускаясь в оправдания, потому попросту промолчал. Гуроны, заметив, что разговор прервался, принялись громко кричать, показывая на ружье Соколиного Глаза. По их резким жестам нетрудно было догадаться, что они жаждут крови его владельца.

– Слышишь? – равнодушно сказал Магуа. – Гуроны требуют жизнь Длинного Карабина. В противном случае они убьют тех, кто прячет его.

– Длинного Карабина нет. Его уже не догнать.

– Когда бледнолицый умирает, – Лисица холодно улыбнулся, – он думает, что для него наступила минута покоя. Но краснокожие умеют мучить даже тени своих врагов. Где его тело? Гуроны возьмут его скальп.

– Он не умер, он бежал.

Магуа недоверчиво покачал головой.

– Разве он птица и может расправлять крылья? Разве он рыба и умеет плавать, не дыша воздухом? Белый вождь, ты считаешь гуронов глупцами!

– Правда, Длинный Карабин не рыба, но он умеет плавать, – был сдержанный ответ. – Когда он сжег весь свой порох, а глаза гуронов закрыло облако, он уплыл вниз по течению.

– Почему тогда белый вождь остался? – все еще недоверчиво спросил Магуа. – Разве он камень, который падает на дно? Или скалы жгут ему голову? Или он боится плавать в воде?

– Я ничего не боюсь, это мог бы сказать твой убитый товарищ, который упал в водопад! – раздраженно ответил Дункан, не забывая, впрочем, вставлять в речь хвастливые выражения, которые могли возбудить уважение индейца. – Но я считаю, что только трусы бросают женщин.

– Где Великий Змей?

– Он тоже уплыл по течению.

– А Быстроногий Олень?

– Я не знаю, о ком ты говоришь, – ответил Дункан, пользуясь возможностью затянуть разговор.

– Об Ункасе, – ответил Магуа, произнося делаварское имя с нескрываемым отвращением.

– Ты говоришь о молодом делаваре? Он тоже уплыл по течению.

Магуа сразу поверил сказанному и этим доказал, как мало он думал о беглецах. Но его товарищам были нужны именно эти беглецы. С характерным для индейцев терпением они в полном молчании ждали, пока кончится беседа белого пленника и Хитрой Лисицы. Когда Хейворд замолчал, дикари уставились на Магуа. Лисица указал им на реку и перевел содержание разговора с майором, подкрепляя свои слова скупыми жестами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.